

УДК 281.93

DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-46-121-157>

священник А. В. Мазырин

К ИСТОРИИ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО РАСКОЛА В ЗАКАВКАЗЬЕ И НЕУДАЧНЫХ ПРОЕКТОВ ПРИМИРЕНИЯ РУССКОЙ И ГРУЗИНСКОЙ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ (1922–1923 гг.)

Аннотация. Статья посвящена начальной истории обновленческого раскола в советском Закавказье, главным образом — в Бакинской епархии. Основными источниками информации послужили написанные в июле 1923 г. письма святому Патриарху Тихону последнего управляющего Кавказским Экзархатом епископа Бакинского Павла (Вильковского) и деятельного бакинского иеромонаха Арсения (Соколовского). Закавказское обновленчество имело свою специфику. Основным фактором раскола стала личная неприязнь к правящему архиерею со стороны наиболее влиятельного бакинского протоиерея Александра Юницкого, который, однако, даже при поддержке со стороны советской власти не смог добиться в епархии решающих успехов в период пребывания Патриарха Тихона в заключении. Напротив, после освобождения Патриарха положение обновленцев в советском Азербайджане улучшилось, что в целом для церковной ситуации того времени в СССР было нехарактерно. Возникновение обновленческого раскола оказало свое влияние и на развитие непростых отношений между Русской и Грузинской Церквями. Грузинский Католикосат был готов принять в свою юрисдикцию негрузинские православные приходы Грузии, Армении, Абхазии и Аджарии, частично возглавленные в начале 1923 г. бывшим викарием Патриарха Тихона епископом Димитрием (Добросердовым), хотя назначение в Тифлис тот получил от обновленческого «Высшего Церковного Управления», в подчинение которому он тогда формально находился. Имелись планы, во всяком случае у иеромонаха Арсения, распространить грузинско-обновленческое «партнерство» на все советское Закавказье. Не встретив в мае-июне 1923 г. понимания у московских лидеров обновленцев, иеромонах Арсений после освобождения святителя Тихона адаптировал к новой ситуации свою идею двойного подчинения русской закавказской епархии и предложил ее Патриарху. Свой проект примирения Русской и Грузинской Церквей в июле 1923 г. святителю Тихону представил и епископ Бакинский Павел. В его основе лежала неудачная аналогия между грузинской и украинской автокефалиями. Все эти планы остались нереализованными: как по причине их исходной дефективности, так и в силу быстрого изменения церковно-политических обстоятельств.

священник А. В. Мазырин

Ключевые слова: *Русская Православная Церковь, Грузинский Католикосат, Кавказский Экзархат, Бакинская епархия, обновленческий раскол, «Живая Церковь», архиепископ Павел (Вильковский), епископ Арсений (Соколовский), протоиерей Александр Юницкий*

Для цитирования: *Мазырин А. В.* К истории обновленческого раскола в Закавказье и неудачных проектов примирения Русской и Грузинской Православных Церквей (1922–1923 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2024. № 46. С. 121–157. DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-46-121-157>

Сведения об авторе: Мазырин Александр Владимирович, священник — доктор теологии, доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745> (Российская Федерация, г. Москва). E-mail: am@pstbi.ru

Поступила в редакцию 12.01.2024

Принята к публикации 26.02.2024

Ранняя история обновленческого раскола в советском Закавказье, вплетенная в контекст сложных российско-грузинских церковных взаимоотношений того времени, во многом еще остается белым пятном в отечественной историографии. Полноты картины здесь до сих пор нет, перед глазами лишь ее отдельные штрихи.

Так, в публикации И. Е. Мельниковой со ссылкой на курсовое сочинение, представленное в МДА в 1959 г., сообщается: «Оставшееся в Грузии без церковного руководства русское духовенство пыталось самоопределиваться, объединившись в “Союз православных русских приходских советов в г. Тбилиси”». На общем собрании духовенства и мирян, состоявшемся 16 ноября 1922 г. под председательством прот. И. Лозового, были избраны представители в означенный Союз православных русских приходских советов. 7 декабря 1922 г. Правление Союза православных русских приходских советов г. Тифлиса объявило себя временным органом управления и, признав обновленческое ВЦУ в г. Москве <...> вступило с ним официально в сношения»¹.

Из этого сообщения, особенно из слов про *общее собрание духовенства и мирян*, может сложиться впечатление, что обновленческий союз Лозового в конце 1922 г. стал заметным явлением в церковной жизни советской Грузии. Однако остается вопрос, многих ли в действительности этот союз объединил. По данным грузинской исследовательницы Ирины Арабидзе, группа Иоанна

¹ Мельникова И. Е. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 63.

Лозового пыталась собрать вокруг себя негрузинские и смешанные приходы на территории Грузии (включая Абхазию) и Армении, но безрезультатно².

Известно также, что в историю становления обновленческого раскола в Грузии оказался вовлечен епископ Ставропольский (впоследствии архиепископ, священномученик, расстрелянный в Бутове) Димитрий (Добросердов). Протоиерей Валерий Лавринов в своем справочнике о видных обновленцах сообщает о нем: «С 1922 г. в обновленческом расколе. Вскоре покинул епархию и возглавил обновленческую группу в г. Тифлисе. В 1923 г. принес покаяние патриарху Тихону»³. Из этого сообщения, однако, сложно понять, в чем конкретно заключался вклад епископа Димитрия в обновленческое дело и почему он это дело оставил.

Между тем, в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Канцелярии Патриарха Тихона в делах «О положении церкви в Тифлисской епархии» и «О положении дел в Бакинской епархии»⁴ содержится целый ряд весьма информативных документов по рассматриваемому вопросу. Частично они уже были использованы в докладе И. Е. Мельниковой, сделанном на XXXI Ежегодной Богословской конференции ПСТГУ, а также в коллективной статье юбилейного сборника по истории Ставропольской епархии⁵. Однако не все важные сведения из этих документов были введены в научный оборот, что побуждает обратиться к ним вновь.

Главными информаторами Патриарха Тихона о положении закавказских церковных дел в 1923 г. выступили номинально управлявший Кавказским Экзархатом епископ Бакинский и Елизаветпольский Павел (Вильковский, 1870–1933) и иеромонах-архимандрит (впоследствии, с 1924 г., — тоже епископ Бакинский, но уже не экзарх) Арсений (Соколовский, 1879–1937). Оба они относятся к не самым известным иерархам Русской Православной Церкви периода гонений (показательно, что в «Православной энциклопедии» статей, посвященных им, нет).

В Баку епископ Павел (Вильковский), ранее занимавший викарные кафедры в Орловской и Рязанской епархиях, оказался в самом конце 1919 г. О том, как это произошло, он, будучи уже архиепископом, дал показания в 1933 г., проходя по следственному делу, закончившемуся для него расстрелом. Согласно протоколу допроса от 3 марта 1933 г., он показал: «...будучи в городе Нико-

² არაბიძე ი. «განახლების მოძრაობა» და საკართველოს ეკლესიის ავტოკეფალია // კლიო. თბილისი, 2005. № 28. გ. 135. [Арабидзе И. «Обновленческое движение» и автокефалия Грузинской церкви // Клио. Тбилиси, 2005. № 28. С. 135].

³ Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 228.

⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199, 208.

⁵ См.: Мельникова И. Е. Попытка восстановления евхаристического общения между Русской (Российской) и Грузинской Православными Церквями при Католикосе-Патриархе всея Грузии Амвросии (Хелая) // XXXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2021. С. 93–96; Кияшко Н. В., Шишкин Е., свящ.; Пантюхин А., свящ.; Зимина Н. Н. Ставропольская епархия в 1920–1943 гг. // Ставропольская епархия: 180 лет. Ставрополь, 2023. С. 105–117.

лаеве Херсонской губернии, в декабре месяце 1919 года, я получил телеграмму от «Южно-Русского Синода» из города Краснодара от митрополита Антония Храповицкого о назначении меня в гор. Баку управляющим Кавказским экзархатом, куда входили русские и греческие церкви в городах всего Закавказья». Можно обратить внимание на то, что назначение епископа Павла было осуществлено не московским патриаршим управлением (с ним тогда связи не было), а временным Высшим церковным управлением Юга России, находившимся в тот момент в Екатеринодаре, куда новоназначенный управляющий Кавказским Экзархатом и проследовал через Одессу и Новороссийск. «Получив от Антония Храповицкого указ, — сообщалось далее в протоколе допроса, — я опять возвратился в гор. Новороссийск, откуда через Батум выехал в г. Баку, где и прослужил вплоть до конца 1922 года, т. е. около 3 лет»⁶.

Арсений Соколовский был более укоренен в кавказской среде. Он родился в Тифлисе в семье польского инженера-путейца католического исповедания и грузинской православной княжны, затем учился в Санкт-Петербургском и Лозаннском университетах. Время и место принятия им монашества не известны, а хиротонию его во иеромонаха епископ Павел совершил в 1920 г.⁷ Иеромонах Арсений и епископ Павел писали летом 1923 г. Патриарху Тихону почти одновременно, но независимо друг от друга. Более того, их взаимоотношения были довольно неприязненными, что выражалось открыто. Так, обратившись 10/23 июля 1923 г. к своей закавказской православной пастве с посланием по поводу освобождения Патриарха Тихона из заключения, епископ Павел вслед за обличением обновленцев особо коснулся личности иеромонаха Арсения: «Всемерно удаляйте из своей среды лукавых деятелей, которые на словах стоят за правду, а на деле топчут эту правду ногами. Таковым показал себя некий брат наш Арсений, типичный монах-карьерист, который начал тем, что тотчас по рукоположении самовольно надел на себя в Тифлисе золотой крест, а год спустя тоже вместе с моими врагами поднял преступную руку, чтобы незаметно столкнуть с кафедры меня, своего епископа и рукоположителя, и самому воссесть на нее епископом, хотя бы даже обновленческой хиротонии. Бог ему Судья!»⁸.

Основное содержание послания епископа Павла было направлено, конечно, не против «некоего брата» Арсения, а против явных обновленцев. Упомянув про то, как «несколько священников в Москве во главе с о. Красницким и Введенским первые подняли знамя восстания и самовольно захватили в свои руки высшую власть в Церкви», он перешел к теме свержения законной церковной власти в Закавказье: «У нас это преступное дело совершили известные

⁶ Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-48721. В 4 т. Т. 1. Л. 74–75.

⁷ См.: История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / *гл. ред. Ф. А. Гайда*. М., 2019. С. 36, 794.

⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 2 об.

о. А. Юницкий с свящ. Кольцовым и И. Рождественским в Баку, а в Тифлисе — прот. И. Смирнов с о. Разумовским и другими. Первые “возглавились” новым епископом Петром, вторые — покинувшим Ставрополь епископом Димитрием, которые приобщились к их злодеянию и вместе с ними подлежат суду церковному. Такому же суду подлежит прот. Авраамий Иванов, незаконно поставленный в Краснодаре во епископа Сухумского»⁹.

Вдовый священник Петр Данилов был поставлен обновленцами во «епископа Балашовского, викария Саратовской епархии» в сентябре 1922 г., а в конце того же года направлен в Баку. А вдовый протоиерей Авраамий Иванов был раскольниками «хиротонисан во епископа Сухумского, викария Кубанской епархии» 3 июня 1923 г.¹⁰, т. е. незадолго до выпуска епископом Павлом своего послания. Можно заметить, что управляющий Кавказским Экзархатом не видел принципиальной разницы между этими раскольническими ставленниками и епископом Димитрием (Добросердовым). Все они, по его мнению, «приобщились к злодеянию» и подлежали суду церковному.

«Вы, православные, — призывал епископ Павел свою закавказскую паству, — всеми силами удаляйтесь от этих преступных лиц, жадных захватчиков церковной власти в России, которые стольких невинных людей, заслуженных старцев-иерархов, благоговейных пастырей, боголюбивых иноков и мирян за то, что они противились их насилию, подвергли оклеветанию, изгнанию, тюремному заключению, лишению имущества и пр.

Сам претерпевая от них около 8 месяцев бедственное изгнание, я отечески заповедую Вам отнюдь не имейте молитвенного общения с ними, как с отступниками от единства Православной Церкви, чтобы и вам, за свой грех равнодушия к истине и правде, не лишиться милостивого покрова над собой Божией благодати.

По заповеди Апостола: “вразумляйте безчинно ходящих”, вы смело выступайте везде и всюду, в домах и церковных собраниях, с обличением этого нового отступления от православия. С любовью объясняйте всем, кто по неведению посещает храмы обновленцев, что они на пути к великому отпадению от Церкви Божией в душепагубный раскол.

Усердно зовите их и их заблудших пастырей к покаянию и обращению на путь истины, который заключается в немедленном примирении их с святейшим патриархом Тихоном и со мною, вашим законным Епископом, на которого они восстали и воздвигли гонение...»¹¹.

Как видно, послание епископа Павла было весьма эмоциональным, хотя главная его мысль о том, что отпадение в обновленческий раскол ведет к лише-

⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 1 об. – 2.

¹⁰ См.: Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. С. 38, 462.

¹¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 2–2 об. Здесь и далее подчеркивания в источнике сохраняются. Они сделаны, по всей видимости, самим епископом Павлом (Вильковским).

нию Божией благодати, звучала и в посланиях великих православных иерархов того времени — митрополита Петроградского Вениамина и Патриарха Московского Тихона¹². Более спокойно и подробно церковную ситуацию в Закавказье он описал самому Патриарху. Статус этого документа и, особенно, ранг его адресата побуждают привести письмо полностью:

«Ваше Святейшество!

С великою радостью узнав об освобождении и служении Вашем, спешим приветствовать Вас и выразить Вам наше сыновнее почтение и покорность.

Положение церковных дел во вверенной мне Бакинской епархии и приходах экзархата таково. Прот. А. Юницкий, как только последовало удаление Ваше от дел управления, тотчас отправился к Бакинским властям, тайно обвинил меня в контрреволюции, в “тихоновщине” и пр. и, явившись ко мне с штывками милиции, отнял епархиальные дела и образовал свое правление, после чего обратился к Антонину и Красницкому, которые меня уволили и прислали своего ставленника епископа Петра с семейством. Его кое-как устроили в трех-четырёх приходах, а двенадцать приходов в Баку и все приходы в уездах остались верны старой Церкви и мне, что и продолжается даже до днесь, хотя меня в декабре мес[яце] власти насильно выслали из Баку.

Я приехал тогда в Тифлис, но застал здесь епископа Димитрия, покинувшего Ставрополь и интриговавшего с целью устроиться в моей епархии. Он толковал что-то о примирении с грузинами, об обращении к константинопольскому патриарху, а кончил тем, что получил назначение от Антонина, но опять его приняли в Тифлисе только два прихода (прот. И. Смирнов и Разумовский, давно тосковавшие о митрах). Он претендовал также на Батум и Сухум. Но я два раза посетил Батум и утвердил тамошних русских, которые остаются верными В[ашему] Святейшеству. С Сухумом “живая церковь” сама запуталась. Антонин, по-видимому, предназначал его для епископа Димитрия. Но Краснодарский Деловериди¹³ с Красницким хотят иметь его частью Кубанской еп[архии] и дали сюда во епископа одного местного грека, который приехал сюда уже месяца два, а еще ни одной литургии не смог отслужить, потому что его ни в одну церковь не пускают. 4 монастыря, в том числе и Новый Афон, равно как и все греческие приходы его тоже не принимают. На бумагу его о признании ответили все, по моему предложению, таким постановлением общего Соборания: “1) заявить сомнение относительно каноничности, т. е. пра-

¹² См.: Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 82; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 291.

¹³ Правильно: Делавериди — видный кубанский обновленец. Подробнее о нем и кубанском обновленчестве см.: Кияшко Н. В. Политика советского государства и обновленческий раскол на Кубани (1922–1923 гг.) // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2022. Вып. 108. С. 88–104.

вильности и законности новой церковной власти, образовавшейся в Москве после низложения патриарха Тихона; 2) требовать рассмотрения этого вопроса на ближайшем собрании всероссийского духовенства и мирян, имеющем быть в октябре м[есяце] сего года, на которое должны быть допущены наши делегаты, а также представители восточных патриархов; 3) впредь до решения этого вопроса воздерживаться от молитвенного общения с архиереями и священниками, ставленниками новой церковной власти, в том числе и от общения с новым Сухум[ским] еп[ископом] Авраамием”.

Итак, на Кавказе “живая церковь” имеет трех архиереев с 3 приходами в Баку и 2-мя в Тифлисе. Весь народ, большинство духовенства, все монастыри не хотят и слышать имя “ж[ивой] ц[еркви]”. Я живу в Сухуме, беспрепятственно везде служу, поминаем всегда Ваше имя.

Сообщая обо всем этом, усердно прошу Ваше Святейшество: 1) преподавать нам, хотя бы заочно, свое первосвятительское благословение, а если возможно, написать два слова, не состоится ли какое собрание представителей Церкви для суда над деяниями Антонина и других и для организации законной власти? 2) Не найдете ли возможным преподавать мне благословение выработать вместе с грузинским автокефальным духовенством условия примирения с ними, с тем чтобы прислать их на Ваше утверждение? Посылаю приблизительно схему этих условий, которую я уже показывал католику Амвросию, и он сказал, что только с лицом, уполномоченным Вашим Святейшеством, мог бы вести переговоры, но отнюдь не со ставленниками Антонина.

Очень важно поспешить с разрешением этого вопроса, т. к. некоторые из крайних автокефалистов усиленно сейчас агитируют среди русских, говоря, что русская Церковь стала еретической и одно спасение для нас, живущих на Кавказе, “соединиться” с Иверской Церковью, т. е. отдаться в бесправное рабство автокефалистам. Мы же стоим на том, что Русская Церковь, по милости Божией, еще далека от ересей, раскол Антонина и Красницкого может быть осужден и уничтожен, истинное соединение и примирение с грузинами должно состояться без клеветы на Р[усскую] Церковь и оскорбления и без умаления ее законных прав на Кавказе.

На днях два новоафонских монаха отправились в Москву с поручениями, по-видимому, от монастыря, но без моего Епископского благословения, хотя уже около трех лет Н[овый] Афон вместе с Сухумским округом подчинен мне указом В[ашего] Святейшества. Если они явятся к Вам с вопросами по церковным делам, то не откажите, усердно прошу, объяснить им должный порядок. Они всегда и прежде, и теперь не в меру ревнуют о своих особенных правах, ради чего не прочь совсем порвать союз с Р[усской] Церковью, а между тем нестроевый всяческих во внутренней и внешней жизни их обители многое множество.

Еще посылаю копию моего послания к пастве от 10 июля с[тарого] ст[иля] сего года.

Вашего Святейшества, Святейшего Владыки и отца, покорный послушник, Павел, Епископ Бакинский и Елизаветпольский, Управл[яющий] Кавказ[ским] Экзархатом.

1923 г. 16/29 июля»¹⁴.

О «грузинской» инициативе епископа Павла далее речь еще пойдет особо, пока же можно констатировать, что его действия по защите канонического порядка в Закавказье, если исходить из его собственного описания, выглядели вполне достойными, можно даже сказать — исповедническими. Попутно можно заметить, что, касаясь положения обновленцев в Грузии, епископ Павел вообще не упоминал имени председателя тифлисского обновленческого союза Иоанна Лозового. Не упоминал его и другой закавказский информатор Патриарха Тихона, о свидетельстве которого речь пойдет дальше. Из этого просится вывод, что роль Лозового на начальном этапе распространения обновленчества в советской Грузии не стоит преувеличивать.

Член Бакинского церковного управления, настоятель Николаевского собора г. Баку иеромонах Арсений (Соколовский) описал местную церковную ситуацию с иными акцентами, нежели епископ Павел (Вильковский). Летом 1923 г. он направил Патриарху Тихону несколько рапортов, к первому из которых приложил пространную докладную записку на 30 машинописных страницах о делах Бакинской епархии, датированную 15/28 июля.

Первым делом иеромонах Арсений указывал на то, что «бакинские церковные нестроения <...> в управление епархией Преосвященнейшего Епископа Павла <...> приняли угрожающие размеры и уже совершенно недопустимые формы». Затем он замечал, что «в Кавказском Экзархате вообще сложилась жизнь церковная под иным углом, чем в России». Конфессиональная политика бакинских большевиков поначалу была ощутимо мягче, чем в центре: не было, например, изъятия церковных ценностей, продолжала свободно вестись церковная метрикация (не устанавливалась монополия государственных ЗАГСов) и др. Особых проблем во взаимоотношениях с азербайджанскими советскими властями иеромонах Арсений не видел и утверждал, что «единственным узлом и фокусом всех решительно бакинских церковных напастей и бед является поистине роковая для Баку личность Настоятеля Александро-Невского Собора Протоиерея Александра Юницкого»¹⁵.

Действительно, роль протоиерея А. И. Юницкого (1855–1940) в развитии церковных дел в Баку и его окрестностях была чрезвычайно значима. Выпуск-

¹⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 3–4 об. Рукопись. Подлинник. Автограф епископа Павла (Вильковского).

¹⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 2–2 об.

ник Санкт-Петербургской духовной академии, он с 1885 г. был настоятелем сначала бакинского Николаевского собора, с 1898 г. — построенного во многом его заботами Александро-Невского собора, а благочинным храмов Бакинской губернии — с 1892-го по 1917 г.¹⁶ О нем весьма высоко отзывался в 1918 г. экзарх Кавказский митрополит Кирилл (Смирнов) и усердно просил Патриарха Тихона наградить его митрой: «Сотворите Вашу отеческую милость, утешьте старца-труженика и меня с ним»¹⁷. На третьей сессии Всероссийского Поместного Собора протоиерей Александр представительствова бакинский клир и проявил себя как сторонник активной борьбы за права Церкви, предлагал потребовать от советского руководства в трехдневный срок пересмотреть свое антицерковное законодательство, а самим подготовить обращение к народу. «Мы не безнадежны и не одиноки в нашей защите Церкви. С нами церковные братства и церковные советы... Разъясните им создавшееся положение, и они не позволят врагам Церкви воспользоваться ее правами и достоинством», — призывал он на соборном заседании 2 сентября 1918 г.¹⁸

Иеромонах Арсений в своей докладной записке характеризовал протоиерея Александра как проводника на Кавказе «русского дела», которое «так часто служило лишь ширмой для оборудования своих личных дел и делишек». «Юницкий, — писал Соколовский, — конечно, тотчас учел счастливую исключительность своего положения и дал полную волю всем своим хищническим инстинктам и злему нраву... Стонало местное особенно сельское духовенство, возмущались и негодовали миряне, строчились жалобы, возбуждались ходатайства, но все было напрасно и Юницкий был неуязвим, ибо контрольный аппарат Экзархата был перегружен деталями борьбы с Грузинской церковью, упорно и энергично стремившейся к автокефалии, и ему было не до Баку, стоявшего вне сферы боевых действий».

Учреждение в Баку викарной кафедры не поколебало положения протоиерея Александра как фактического вершителя местных церковных дел. Оно, по словам иеромонаха Арсения, «не смогло обуздать пыл Юницкого и преемственно назначаемые Бакинские Епископы один за другим не без изъяна покидали поле действий и оно неизменно оставалось за Юницким... мимолетное Управление Епархией Высокопреосвященного Митрополита, понятно, не мо-

¹⁶ Протоиерей Александр Иванович Юницкий (1855–1940) // Официальный сайт Бакинской и Азербайджанской епархии. URL: https://pravoslavie.az/history/history_faces/?id=13607 (дата обращения: 11.10.2023).

¹⁷ Письма священномучеников — архиереев Русской Православной Церкви к святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея России / *публ. прот. В. Воробьева* // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. Вып. 6. М., 2000. С. 14.

¹⁸ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор Деяний. Третья сессия / *сост. А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г. Шульц*. М., 2000. С. 253.

жет в данном отношении идти в счет» (т. е. к митрополиту Кириллу должное почтение Юницким проявлялось).

Особенно неприязненные взаимоотношения у протоиерея Александра сложились с епископом Павлом (Вильковским). «Преосвященный Павел, — писал Патриарху Тихону иеромонах Арсений, — был неприемлем для Юницкого психологически прежде всего своей полной ему антиподичностью. Пред властным и неумолимым-категоричным Протоиереем, императивный авторитет которого не признавал ни малейших колебаний, предстал Иерарх ультрамонашеского вида, не импонирующий, нерешительный, уклончивый, крайне медлительный в своих действиях, питающий какое-то органическое отвращение к определенной отчетливости жеста, слова и мысли...».

Обрисовав столь колоритно психологические портреты главных действующих лиц, иеромонах Арсений переходил собственно к истории возникновения обновленческого раскола в Бакинской епархии: «Церковная разруха в Центре, ознаменовавшаяся учреждением в Москве так называемого Высшего Церковного Управления, не замедлила отразиться, конечно, и в Баку и, конечно, тот же самый Юницкий, не теряя времени, первый выбрасывает флаг церковного обновления, образует из морально или экономически с ним связанных членов бакинского духовенства “Комитет”, устраняет Епископа Павла, насильственно отобранием дел и денег, ликвидирует утвержденный Вашим Святейшеством Бакинский Епархиальный Совет и привычной рукой берет за руль управления»¹⁹.

В другом месте своей докладной записки иеромонах Арсений привел дополнительные подробности начальной истории закавказской обновленческой смуты, касавшиеся его лично: «Когда в самом начале церковной разрухи я согласно журнальному постановлению бывшего Бакинского Епархиального Совета был командирован в Москву для ознакомления с положением там церковных дел и для представления оправдательных отзывов Преосвященного Павла на запрос Высшего Церковного Управления по содержанию жалоб Юницкого, уже успевшего пожаловаться на Епископа Павла и в этой новоявленной инстанции, то я без дальних околичностей был арестован на ст[анции] Дербент, возвращен в Баку, подвергнут в подлежащих учреждениях задержанию, обыску и допросу и прикреплен к месту подпиской о невыезде»²⁰. Из этого свидетельства следует, что поначалу епископ Павел пытался письменно оправдаться перед обновленческим ВЦУ, но не смог: «подлежащие учреждения» воспрепятствовали.

Тем не менее сопротивление обновленцу Юницкому и его сторонникам в епархии не ослабевало. Согласно иеромонаху Арсению, приходские организации обоих бакинских соборов и девяти других церквей не признали «образовавшейся Исполнительной Комиссии по обновлению Православной Церкви

¹⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 2 об. – 4.

²⁰ Там же. Л. 11 об.

в лице Протоиерея Юницкого и иже с ним, как состоящей из лиц, не избранных ни приходским собранием, ни приходскими Советами <...> и не пользующейся доверием среди православного верующего населения г. Баку». 17 сентября 1922 г. (в документе опечатка: 1923) оппоненты Юницкого «избрали из своей среды Бакинское Церковное Управление» (БЦУ) из 15-ти человек: 13-ти мирян, протоиерея и самого иеромонаха Арсения, которому и предоставили «право ведать названными Бакинскими Соборами и церквами, а также Соборами и церквами г. Баку и Бакинской Епархии из числа имеющих присоединиться к ним впоследствии на платформе следующих лозунгов...»²¹.

Далее иеромонах Арсений приводил восемь лозунгов, таких, как: «неуклонное пресечение эксплуатации религиозного чувства народных масс, а также самоуправных действий духовенства при осуществлении им своих узко сословных целей», «немедленное проведение в жизнь реформ по обновлению отживших сторон церковного быта», «полное обособление Церкви от политики», возможность быть председателями приходских советов не только настоятелям церквей, но и мирянам, избрание народом всего духовенства епархии, включая епископа, немедленное переизбрание наличных приходских советов общими приходскими собраниями. Что в приводимых иеромонах Арсением лозунгах отсутствовало, так это отсылки к канонам Церкви. Вообще, можно заметить, что звучали лозунги БЦУ довольно революционно и отчасти перекликались с выдвигавшимися тогда же лозунгами различных обновленческих объединений, например небезызвестного «Союза Общин Древле-Апостольской Церкви»²².

В связи с этим не удивляет, что, как сообщал далее иеромонах Арсений, «местная гражданская власть мудро учла внутреннюю лояльность этого протеста и избранное представителями верующей рабочей массы демократическое по своему личному составу Бакинское Церковное Управление было зарегистрировано Наркомвнуделом Азербайджанской Республики за № 25». Председательствование в новообразованном органе управления было возложено на мирянина, но, что немаловажно, сделано это было, согласно автору докладной записки, с благословения епископа Павла, который в результате «мог управлять, а Бакинское Церковное Управление должно было отвечать перед гражданской властью за этого его управление». Однако, к сожалению иеромонаха Арсения, действовать в согласии с БЦУ епископ Павел не смог, «стали курсировать летучки, как по содержанию, так и по форме не отвечающие условиям момента». Под последними, видимо, подразумевались несоординированные распоряжения правящего архиерея, который «считал наиболее целесообразным наступательный, а не оборонительный образ действий — частнее, его неудержимо влекло к изгнанию Юницкого из насиженного гнезда при Александро-Невском Соборе».

²¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 4–4 об.

²² См.: *Левитин А., Шавров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. С. 227–230.

В итоге БЦУ, считавшее «прямым долгом всеми средствами спасти Преосвященного Павла от висевшей над ним Дамокловым мечом административной высылки, пришло к убеждению, что для пользы дела Преосвященному Павлу надлежало бы временно перенести свою резиденцию из г. Баку в какой-либо другой пункт вверенного ему Кавказского Экзархата, который, кстати сказать, за все время трехлетнего управления Преосвященного Павла ни разу не видел Епископской визитации». Иеромонах Арсений почему-то считал, что «одновременно с отъездом Епископа Павла можно было поднять вопрос и об удалении Протоиерея Юницкого и назначенного Живою Церковью Епископа Петра, присутствие коих в Баку тоже вносило известное возбуждение». При этом, согласно автору докладной записки, «принимаемая мера принималась не тайно и не вдруг, а обсуждалась совместно с Преосвященным и с его стороны как будто высказано даже некоторое понимание объективной целесообразности этого шага»²³.

Далее иеромонах Арсений сообщал немаловажную подробность: «В периоде совместного обсуждения деталей чаемого заочного управления Бакинской Епархией, когда речь зашла о сакраментальной стороне управления, Преосвященного просили об оставлении вместо себя в Баку правомочного в этом смысле лица и здесь впервые был поставлен вопрос о викарии». Трудно отделаться от впечатления, что таковым викарием иеромонах Арсений был не прочь стать сам. «Технически, — писал он Патриарху Тихону, — это казалось выполнимым, ибо в Тифлисе в это время жил, правда еще в качестве частного лица, бывший Викарий Вашего Святейшества Преосвященный Епископ Димитрий, которого мы имели основание считать православным архиереем, а идеологически такое превышение власти повелительно диктовалось условиями момента, ибо положение вещей категорически взывало к фактической автокефалии православных епархий и потому привлечение Преосвященного Димитрия к викарийским функциям или к хиротонии викария нам казалось не только не криминалом, но <даже> логически необходимым; послание заместителя Вашего Святейшества Высокопреосвященного Митрополита Агафангела²⁴, авторизующее такой взгляд на вещи, нам не было еще известно, но Преосвященный Павел к мысли о викариатстве отнесся крайне враждебно».

Иеромонах Арсений не мог скрыть от Патриарха Тихона своей обиды на епископа Павла: «Пасынок Архиерейской среды, целых 14 лет чаявший движения воды в скромном сане Иеромонаха, подозрительный и боязливый, он крайне ревниво относился к столь поздно завоеванной им исключительности своего Архиерейского положения и явил себя в данном отношении таким же монополистом по натуре, как и его антипод — Юницкий. Как будто согласившись уехать, Владыка все же не уезжал и только в конце декабря минувшего

²³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 5–6 об.

²⁴ См.: Акты Святейшего Тихона... С. 219–221.

1922 г. он внезапно покинул Баку, не дав никому никаких инструкций, и последовал сперва в Тифлис, а потом в Батум и Сухум. К сожалению, он не удержался ни в Тифлисе, ни в Батуме, ни в Сухуме и также внезапно, как уехал, прибыл на ст[анцию] Баладжары Закавказских железных дорог...».

Указанная узловая станция — ныне в черте г. Баку. По иеромонаху Арсению, «Владыка как будто сперва имел намерение управлять Епархией из Баладжар, но когда выяснилось, что ему остаться здесь разрешено гражд[анскими] властями не будет, то он изъявил желание ехать на север в Петровск, как он сказал одним, в Орел, как сказал другим, и, наконец, в Москву, как сказал третьим. В таких обстоятельствах совершенно естественно снова всплыл вопрос о викарлатстве и снова он был решен Владыкой отрицательно, причем было указано, что окончательно этот вопрос будет разрешен в Москве, куда и едет Владыка». Иеромонах Арсений не уточнял, когда происходили описанные им события на станции Баладжары. Никаких подтверждений того, что епископ Павел тогда выезжал «на север», нет. В июле 1923 г., как следует из его вышеприведенного письма Патриарху Тихону, епископ Павел более-менее спокойно проживал и служил в Сухуме. Перед отъездом из Баладжар епископ Павел на время своего отсутствия уполномочил управлять Бакинской епархией новый коллегиальный орган из четырех мирян и двух священников. «Таким образом, — сокрушался иеромонах Арсений, — злосчастное Бакинское Церковное Управление, продолжающее нести ответственность перед гражданской властью за ход церковных дел, должно было отвечать за действия уже не одного Архиепископа, а за шестерых его Заместителей»²⁵. Управление, от имени которого выступал иеромонах Арсений, после этого претерпело некоторые подвижки в своем персональном составе, но продолжило функционировать, приспособившись к меняющейся обстановке.

Важнейшим вопросом, который тогда встал перед БЦУ, было отношение к созываемому обновленческим ВЦУ «Поместному Собору». «Положение» о его созыве было принято раскольническим руководящим органом 1 февраля 1923 г. В соответствии с ним, от каждой епархии, помимо правящего архиерея, делегировалось четыре представителя (два клирика и два мирянина), избираемых епархиальным собранием. Председательствовать на собрании должен был раскольнический «Епархиальный Преосвященный», особыми полномочиями наделялся и уполномоченный ВЦУ²⁶. Решение вопроса, участвовать или нет в этой процедуре, определяло, по сути дела, епископологический статус Бакинского управления: действительно ли оно было *церковным* или только именовалось таковым. «Хотя никто из нас не сомневался, — писал иеромонах Арсений Патриарху Тихону, — в природе, цели и деяниях этого Собора, который

²⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 6 об. — 7 об.

²⁶ См.: Положение о созыве поместного собора православной российской церкви 1923 года // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 2–4.

по всем данным должен был превратиться в простой партийный Съезд, тем не менее... у нас произошло разделение. Одни думали, что мы должны совершенно игнорировать Собор, другие хотели идти на Собор, но избирательная процедура должна была протекать у нас, по их мнению, отдельно, и, наконец, третьи, к числу коих принадлежал и пишущий эти строки, считали, что нам необходимо идти и на Собор, и на общепархиальное избирательное Собрание». Верх, по иеромонаху Арсению, взяла его, третья, группа, т. е. настроенная наиболее приспособленчески. Он оправдывался: «Не идти на Собор, рассуждали мы, психологически невозможно, ибо самое слово “Собор”, такое долгожданное, для широких церковных кругов таит в себе столько очарования и надежд, что не слышать его нельзя, а услышать — это значит уже поддаться обаянию его столь заманчивых устремлений и возможностей. И с чисто бытовой стороны игнорирование Собора ставило нас в невыгодную для нас позу какой-то заскорузлости и, если можно так выразиться, церковной сварливости, делало в глазах внешних именно нас очевидными виновниками разделения и загоняло нас в тесный и невылазный тупик добровольной изоляции».

Приняв участие в обновленческом собрании, иеромонах Арсений и его единомышленники (сколько их было, он не уточнял) попытались «явить зрелище действительной церковной принципиальности» (не самое убедительное, надо заметить): «В начале выборного Собрания, когда пели предначинательную молитву, мы ее слушали стоя, но не молились (молились мы отдельно за полчаса до этого на нашем предварительном Собрании в Николаевском соборе), а когда Епископ “Живой Церкви” Петр стал произносить формулу обычного благословения, мы сели и этим подчеркнули его специально инструкторскую для нас, но отнюдь никак не епископскую, компетенцию». В результате добиться продвижения своих представителей на «Поместный Собор» группа иеромонаха Арсения не смогла, сам он на выборном собрании был лишен слова. «Все наши старания, — жаловался он Патриарху Тихону, — поступившись своим самолюбием, внести хоть какой-либо корректив в планомерно развертывавшуюся картину самого безудержного произвола, не привели, как и следовало ожидать, ни к чему, и выборщики — Представители нашего объединения, попав в такую атмосферу, естественно сочли себя вынужденными покинуть Выборное Собрание и составить особый акт с протестом».

После такого демарша группы иеромонаха Арсения и выражения ею готовности провести сепаратные выборы, по словам автора докладной записки, над ней «сгустились грозовые тучи» и появились признаки «возможности самых энергичных репрессий». «Это был тот памятный момент, — писал он Патриарху Тихону, — когда волна враждебных против Вашего Святейшества настроений как бы достигла своей кульминационной точки. <...> В такой роковой обстановке и под давлением столь угрожающих обстоятельств мы с краской стыда на

лице и жгучей болью в сердце решились на меру героического характера и заменили богослужебное возношение Имени Вашего Святейшества молитвенной формулой “О Святейших Патриархах Православных”. Непонятно, чего *героического* усмотрел в этом своем шаге иеромонах Арсений, но выразился он именно так. Впрочем, далее он называл его «прискорбной мерой» и всю вину брал лично на себя. Он отмечал, что решение о непоминовении Патриарха Тихона «проводилось в жизнь весьма болезненно» и вызвало энергичную оппозицию со стороны церковных ревнителей. Тем не менее, «эта мера казалась в тот момент единственным средством разрядить донельзя стеснившуюся атмосферу и тем ослабить неприступную в ту минуту позицию врагов православия»²⁷.

Описанные здесь события, как следовало из другого документа, направленного иеромонахом Арсением Патриарху Тихону, происходили в конце марта 1923 г. Обновленческое «Выборное Собрание» состоялось 25 марта (по новому стилю). Затем было прекращено поминовение Патриарха, а уже 30 марта состоялось заседание БЦУ, на котором были утверждены делегаты на «Всероссийский Поместный Собор»: иеромонах Арсений (Соколовский) от духовенства и гражданин М. А. Горохов от мирян²⁸. «Постигшая меня болезнь, — продолжал далее излагать ход событий иеромонах Арсений, — лишила нас возможности участвовать или, вернее, сделать попытку участвовать в Соборе, и мы смогли выехать из Баку лишь по закрытии Собора»²⁹.

Раскольнический лжесобор прошел в Москве с 29 апреля по 9 мая 1923 г.³⁰, а мандат БЦУ на участие в нем был выдан иеромонаху Арсению 11 мая, т. е. уже *post factum*. Тогда же ему был вручен и наказ: «О[тец] Арсений Соколовский, сим вменяется Вам в непременную обязанность во исполнение воли избравших Вас духовенства и мирян ни в коем случае не входить в состав новообразованной так называемой группы “Живой Церкви” и не санкционировать своим согласием нарушение догматов или таинств Св[ятой] Веры нашей»³¹.

Несмотря на то, что лжесобор уже закончился, иеромонах Арсений и его спутник отправились в Москву «прежде всего для информации»: «Мы, в сущности говоря, в своей массе ... не знали, что именно произошло в Центре и как оно произошло. Мы разделились не столько идеологически, сколько психологически по старым вехам: это была та же ориентация на личности, то же прежнее противопоставление Юницкого Епископу Павлу; там в Москве, у самых корней раскола, истоков ереси очами и перстами своими должны были мы по-

²⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 8–10 об.

²⁸ Там же. Л. 23.

²⁹ Там же. Л. 11.

³⁰ См.: Деяния II-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви: Бюллетени. М., 1923.

³¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 22.

знать ложь и суету всех этих бурных веяний и шумных течений. И мы видели, осязали и познали; но спутник мой, по семейным обстоятельствам, должен был вскоре вернуться домой, а мне судил Бог не кратким поприщем мытарств и озлобления достигнуть той Пасхи Православия, которую переживаем мы здесь с благословенного дня исхода Вашего Святейшества из уз темничных»³². Патриарх Тихон был освобожден 27 июня 1923 г.³³ Соответственно, не лишенный литературного дара иеромонах Арсений задержался в столице на несколько месяцев. Собственно, и цитируемую докладную записку от 28 июля он писал, находясь в Москве.

Помимо ознакомительной цели поездки, у него было «еще одно специальное побуждение во что бы то ни стало прорваться к Центру», а именно стремление решить-таки вопрос о епископе для Баку. «Бакинское Церковное Управление... — писал иеромонах Арсений, — с самого начала своего существования и доселе всегда считало и считает себя лишь оружием момента и всегда всеми фибрами своими стремилось войти в сферу законной епископской компетенции. Необходимость такого выявления подлинной церковной лояльности и иерархической полноты особенно остро должна была сознаваться именно в сфере Бакинского Церковного Управления, осуществляющего свою миссию епархиального органа на территории смежного с Грузией и Арменией Азербайджана, где к нам так чутко прислушиваются и скрупулезная религиозность превалирующих здесь сановитых мусульман, и древние церковные культуры Грузинской и Армянской Церквей, и, наконец, вездесущий папский Рим, прекрасно представленный здесь в лице архиепископа-легата, имеющего свою резиденцию в г. Тифлисе и право канонической визитации католических приходов на всем Кавказе. Между тем наш Епископ Преосвященнейший Павел, покинувший пределы не только Бакинской Епархии, но и Кавказского Экзархата, по-видимому, не имел возможности вступить в общение с нами».

Утверждение, что епископ Павел покинул пределы Кавказского Экзархата, было домыслом иеромонаха Арсения и, как отмечалось, применительно к июлю 1923 г. точно не соответствовало действительности. Но, как можно понять, вопрос о бакинском епископстве активный иеромонах настроился решать уже без участия своего преосвященного, что едва ли делало ему честь. Иеромонаху Арсению виделась другая комбинация: с задействованием Грузинского Католикосата, а в какой-то момент — и обновленческого ВЦУ. Посоветовав на отсутствие архипастырского окормления, на свое «духовное сиротство», которое «особенно остро и болезненно ощущалось», когда «обсуждался и решался колючий вопрос» об участии в обновленческом «Соборе», он со-

³² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 11.

³³ Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013. С. 322.

общал далее Патриарху Тихону: «И вот, в такое время из недалекого от нас Тифлиса совершенно неожиданно приходит весть о том, что там образовалась русская Епархия и возглавлять ее избран бывший викарий Вашего Святейшества Епископ Димитрий, которого мы имели полное основание считать строго православным архиереем». «Правда, — привносил он далее новую сюжетную линию, — несколько шокировало некоторых из нас то обстоятельство, что тут же рядом с именем Преосвященного Димитрия упоминался в качестве организатора некий неизвестный нам тогда Протоиерей Илларион Окропиридзе, да еще под столь одиозным для нас титулом Уполномоченного Высшего Церковного Управления. Но то, что он природный грузин, родной брат покойника Католикоса Грузии Леонида, а грузины вообще отнеслись крайне отрицательно к русскому обновлен[че]ству, то, что его, Окропиридзе, гласно и нещадно порочил на официальном Епархиальном Выборном Собрании Епископ “Живой Церкви” Петр, несколько успокаивало нас, да и имя Преосвященного Димитрия как будто все собою покрывало».

Далее иеромонах Арсений сообщал Патриарху Тихону собранные им сведения о епископе Димитрии и протоиерее Иларионе (в докладной записке — Илларионе): «Назначенный Вашим Святейшеством на Ставропольскую Архиерейскую Кафедру Преосвященнейший Епископ Димитрий в самом начале церковной разрухи по не известным докладчику причинам, еще, по-видимому, никем не гонимый, покинул свой кафедральный город Ставрополь и после кратковременного с не известной нам целью посещения г. Москвы проследовал в сопровождении Настоятеля одной из приходских г. Ставрополя церковью Протоиерея Иллариона Окропиридзе на Кавказ и в городах Тифлисе и Батуме весьма усиленно хлопотал перед местными властями о разрешении ему выехать для необходимого лечения за границу, в Константинополь»³⁴. Можно предположить, что после того как в Ставропольской епархии в 1922 г. большинство представителей духовенства признали обновленческое ВЦУ (а там это произошло довольно быстро³⁵), епископ Димитрий попытался уклониться от участия в расколе, покинуть советскую Россию и присоединиться к русским архиереям-беженцам, но ему не позволили это сделать.

«Несмотря на все старания Преосвященного, — продолжал иеромонах Арсений, — и на располагаемые им солидные ресурсы в виде консультации видных медицинских авторитетов выехать ему не разрешили, и Епископ Димитрий поселился в Тифлисе в качестве частного лица. Но здесь он сразу попал в специфическую обстановку Епископского голода и сразу стал предметом самых определенных вождений». Далее автор докладной записки посвящал целую страницу

³⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 11 об. – 12 об.

³⁵ См.: *Кияшко Н. В., Шишкин Е., свящ.; Пантюхин А., свящ.; Зимина Н. Н.* Ставропольская епархия в 1920–1943 гг. С. 106.

текста повторению своих сетований на пассивность и косность епископа Павла, который и сам не совершал визитаций по Экзархату, и появления там других православных епископов не желал. «Дело организации новой русской Епархии по инертности местной церковной среды требовало непременно толчка извне, и оно получило его, хотя и со стороны совершенно неожиданной.

Проживавший в Тифлисе упомянутый уже Протоиерей Илларион Окропиридзе вынужден был по семейным обстоятельствам поехать в Москву хлопотать о возвращении в Россию застрявших по смерти их отца в Польше своих малолетних внуков и, встретив какие-то препятствия, обратился за помощью в Высшее Церковное Управление, которое в обывательском представлении котирировалось тогда чуть ли не как правительственный орган. И действительно ему там в его затруднении помогли, но за это, как бы в виде компенсации, предложили взять на себя устройство церковных дел в Тифлисе. Сперва Окропиридзе, по его словам, отказывался от этой миссии, но потом, учтя настроение тифлисских церковных людей и положение своего Кириарха Епископа Димитрия, решил взять на себя роль Уполномоченного, предупредив, что на Кавказе не может быть и речи о каком бы то ни было реальном выявлении обновленческой идеологии и что Епископом новой Епархии должен быть непременно именно Преосвященный Димитрий, как единственный русский Иерарх, персонально приемлемый для правящих кругов Католикосата. Личность Преосвященного Димитрия вызывала сперва сильные возражения со стороны руководителей “Живой Церкви”, но в конце концов все уладилось. Епархия была учреждена. Епископ утвержден. Ему была усвоена компетенция над русскими, греческими и айсорскими приходами Грузии, Армении, Аджаристана и Абхазии, но по отношению к Католикосу он считался викарием»³⁶.

Удивительным образом такое решение вопроса было по-своему выгодным для всех сторон, поучаствовавших в его принятии. Раскольническое ВЦУ номинально могло записать в число подчиненных ему епархий Тифлисскую. Епископ Димитрий, формально получив назначение от этого лже-ВЦУ, фактически сразу же из его ведения уходил в юрисдикцию автокефальной Грузинской Церкви (правда, еще не признанной в надлежащем каноническом порядке). Католикосат же, как казалось, благополучно закрывал острую для него проблему негрузинских православных приходов на территории Грузии (а заодно и Армении), ранее не желавших входить в его состав. Причем то, что епископ Димитрий ранее был викарием Патриарха Тихона, могло трактоваться как молчаливое согласие обезглавленного Московского Патриархата с таким решением.

Можно здесь кратко напомнить послереволюционную историю русско-грузинского церковного расхождения. Спустя всего лишь 10 дней с момента отречения царя Николая II от престола группой грузин, собравшихся под

³⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 12 об. – 13 об.

руководством епископа Леонида (Окропиридзе) в Мцхете, был составлен акт о необходимости «считать восстановленным автокефальное церковное управление в Грузии и, пока произведены будут канонические выборы Католикоса Грузинской Церкви, местоблюстителем его назначить преосвященного Леонида, епископа Гурийско-Мингрельского»³⁷. С этим заявлением грузинские автокефалисты обратились к петроградскому Временному правительству, демонстративно проигнорировав Святейший Синод Православной Российской Церкви. 27 марта 1917 г. Временное правительство, о полной солидарности с которым заявляли грузинские деятели, их автокефалию юридически признало, но только как национальную, а не территориальную, выразив «твердую уверенность, что закрепление церковно-канонических основ великого акта самоопределения Грузинской церкви совершится в духе церковного мира и любви, по сношении Церкви грузинской с Православной русской церковью»³⁸.

Грузины были не удовлетворены таким половинчатым решением петроградского правительства и заявили: «Признание за Грузинскою Церковью характера национальной, а не территориальной автокефалии, не имея прецедента в истории, решительно противоречит канонам церковным, обязательным для всех православных, оно не гарантирует грузинам блага церковного и мирного сожительства с русским элементом края, ибо воинствующим представителям Русской Церкви открывается возможность создания среди грузин церковного русского прозелитизма, а равно фактического стеснения и умаления Грузинской Церкви. В целях окончательного устранения одной из главных причин русско-грузинских недоразумений, Временное Управление Грузинской Церкви долгом почитает довести до сведения Временного Правительства, что автокефалия Грузинской Церкви должна быть признана на территориальной основе в пределах древне-грузинского католикосата»³⁹. Можно заметить, что само собрание, прошедшее 12 марта в Мцхете, было сформировано по *национальному* принципу, но провозглашенная им автокефалия, по мнению ее приверженцев, во избежание «церковного русского прозелитизма» должна была стать *территориальной*.

В июле 1917 г. делегация Временного управления Грузинской Церкви посетила Петроград, где ее от лица Святейшего Синода приветствовал архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), выразивший надежду: «...на предстоящем Поместном Соборе мы с Вами братски встретимся и общим советом в духе Христовой любви и единения сумеем найти путь к вза-

³⁷ Цит. по: Егоров В., *свящ.* К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году. М., 1917. С. 9.

³⁸ Конфессиональная политика Временного правительства России: сб. док-тов / *сост., авт. предисл. и комм.* М. А. Бабкин. М., 2018. С. 263–264.

³⁹ Цит. по: Егоров В., *свящ.* К истории провозглашения грузинами автокефалии... С. 18.

имному пониманию...»⁴⁰. Но несмотря на такое благорасположение священноначалия Православной Российской Церкви грузины приглашение на Всероссийский Поместный Собор отвергли. Сухумский кафедральный протоиерей Георгий Голубцов, представлявший свою епархию на второй сессии Московского Собора, объяснял поведение грузин так: «...теперь они не пойдут ни на какие переговоры, ибо мирное разрешение конфликта для них, прежде всего, не выгодно, так как им пришлось бы отказаться от многого, что ими захвачено в революционном порядке... да и зачем им входить в мирные переговоры с Русской церковью, когда в результате их приобрести больше того, что они сейчас имеют, они не могут, а лишиться многого из того, что сейчас в их руках, вероятность есть?»⁴¹. В апреле 1918 г. протоиерей Г. Голубцов изложил свое мнение Патриарху Тихону. «Патриарх сказал, что теперь время такое, что лучше решать все спорные вопросы миром, полюбовно, — значит, и с грузинами нам нужно найти мирный выход из создавшегося положения; поэтому он и решил обратиться к грузинским архиереям с особым посланием, приглашая их к братскому и спокойному решению всех спорных вопросов»⁴².

С этим посланием Патриарх Тихон обратился к грузинским автокефалистам еще в декабре 1917 г. Он писал: «Только Собор кириархальной Церкви может даровать независимость той или иной поместной Церкви, без Собора же кириархальной Церкви всякие акты провозглашения церковной независимости признаются недействительными и не имеющими канонической силы»⁴³. Миротворительный подход святителя Тихона весьма примечателен, но сухумский протоиерей оказался прав. Грузинские деятели не пожелали договариваться, напротив, стали стремиться захватить и негрузинские приходы. Политическая обстановка (начало гражданской войны в России, провозглашение государственной независимости Грузии) этому благоприятствовала. В феврале 1920 г., при католикосе-патриархе Леониде (Окропиридзе, 1861–1921), меньшевистское республиканское правительство упразднило на своей территории Кавказский Экзархат Православной Российской Церкви, учрежденный при Временном правительстве вместо прежнего Грузинского Экзархата. А затем, спустя год, перевод в юрисдикцию католикосата всех находившихся в пределах республики негрузинских православных приходов был зафиксирован уже

⁴⁰ Цит. по: Мельникова И. Е. К истории взаимоотношений Католикоса-Патриарха всея Грузии Каллистрата (Цинцадзе) с Председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карповым в 1944–1947 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2016. Вып. 3 (70). С. 71.

⁴¹ Голубцов Г., прот. Поездка на Всероссийский Церковный Собор: Дневник (29 января — 18 апреля 1918 г.) / подг. текста и публ. М. И. Одинцова // Российская Церковь в годы революции (1917–1918): сб. М., 1995. С. 197.

⁴² Там же. С. 252.

⁴³ Акты Святейшего Тихона... С. 74.

на уровне Конституции Грузии⁴⁴. Впрочем, реализовать на практике этот акт принуждения негрузин грузинам не удалось ввиду скорой утраты своей государственной независимости и советизации Грузии в феврале-марте 1921 г.

И вот, спустя два года, благодаря сделке с российскими просоветскими раскольниками, заключенной при посредничестве брата скончавшегося лидера грузинской автокефалии, протоиерея Илариона Окропиридзе, католикосат обретал возможность получить негрузинские православные приходы на территории советских Грузии и Армении без какого-либо принуждения. Более того, появлялась перспектива присоединения к ним по аналогичной схеме и русских приходов советского Азербайджана. Главным вдохновителем этой идеи, как можно понять, и был грузин по матери иеромонах Арсений (Соколовский). В своей докладной записке Патриарху Тихону он писал: «При свете наличных данных для Бакинского Церковного Управления единственной возможностью войти, наконец, в действительное общение с православным Епископом это было влиться во вновь образуемую Епархию в качестве особого викариата, но для этого неизбежно нужно было войти в столь тягостное для нас, но благодарение Богу, лишь мимолетное соприкосновение с делателями погоды на Троицком Подворье, и такая щекотливая роль выпала на нашу долю»⁴⁵. Можно вспомнить слова послания епископа Павла (Вильковского) к закавказской пастве от 23 июля 1923 г.: «...брат наш Арсений <...> вместе с моими врагами поднял преступную руку, чтобы незаметно столкнуть с кафедры меня, своего епископа и рукоположителя, и самому воссесть на нее епископом, хотя бы даже обновленческой хиротонии»⁴⁶. Слова эмоциональные, но, как выясняется из доклада самого иеромонаха Арсения, отражавшие фактическое положение дел. «Брат» Арсений действительно готов был принять посвящение от «делателей погоды на Троицком Подворье», т. е. от обновленцев, и тем самым «столкнуть с кафедры <...> своего епископа и рукоположителя». Но не получилось.

Между тем иеромонах Арсений достаточно детально продумал свой план, о чем и сообщал Патриарху Тихону (местами, правда, в довольно громоздких словесных оборотах): «Ныне Азербайджанское Церковное Объединение не могло внести какого-либо церковно-административного диссонанса, а, наоборот, могло стать элементом зиждательным и благотворным. Организуемая Закавказская Епархия, если она не хотела быть мертворожденным детищем административно-канцелярской потуги, непременно должна была по самой природе своей резко отличаться от обычного типа Епархии Средней России. Она прежде всего

⁴⁴ См.: Шелкачев А., *свящ.*; Мельникова И. Е. Восстановление автокефального статуса Грузинской Православной Церкви в XX в. // XXX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2020. С. 54.

⁴⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 13 об.

⁴⁶ Там же. Д. 208. Л. 2 об.

не может, не должна быть и фактически не есть территориальной, ибо органически включает в свою компетенцию русские приходы Грузии, Армении, Аджаристана и Абхазии. С другой стороны, в процессе нового епархиального строительства, всегда требующего особого напряжения и затраты энергии, примыкаем к себе в свои недра тяготеющего церковно-административного объединения в форме и виде викариата механически бралась за учет новая моральная сила, и Епархия, окраинная и требующая поэтому всей возможной полноты иерархического церковно-административного представительства, получает в награду за свое гостеприимство гибкий викариальный аппарат, который [она?] имеет право широко использовать в своих интересах и на свою пользу во всех случаях представившейся нужды, которая в этом отношении, конечно, не преминет сказаться в самом скором времени и в самой острой форме». Ключевое слово в этой трудно воспринимаемой фразе — «гибкий». Умение приспособливаться к меняющимся условиям иеромонах Арсений демонстрировал незаурядное.

«Не могло препятствовать, — продолжал свою мысль автор докладной записки, — и то обстоятельство, что сама Закавказская Епархия может трактоваться как своего рода викариат Грузинского Католикосата, ибо при некоторой гибкости и подвижности вполне допустима двойственность функций». То есть замышляемая структура виделась иеромонаху Арсению номинально состоящей в двойном подчинении: московскому церковному центру, пусть даже обновленческому, и грузинскому, но при этом фактически от них обеих не зависящей. В случае возникновения сложностей во взаимоотношениях с католикосатом бакинский иеромонах (он же потенциальный викарий) предусматривал возможность от него дистанцироваться, пользуясь тем, что Азербайджан — это не Грузия. Он писал: «Считая себя викариальным по отношению к Католикосату (что всегда будет лишь формально), церковно-административный аппарат Епархия (так в источнике. — *свящ. А. М.*) тем самым вовсе не лишен ни юридически, ни фактически прав считать себя полноправным по отношению к той части своей епархии, которая, подобно нашему церковному объединению, физически находится вне досягаемости компетенции Католикоса Грузии, будучи расположена на территории Азербайджана. В конце концов, если какому-либо слову придают преувеличенное значение, то это слово можно бросить; можно вместо викариата устроить что-либо другое, отдельный округ, протопресвитерство и т. п., дело от этого ничуть не изменится». Как видно, иеромонах Арсений готов был к самым разным комбинациям. Упоминание о «протопресвитерстве» наводит на мысль, что в своих расчетах он принимал во внимание даже своего антагониста протоиерея Александра Юницкого (других кандидатов в протопресвитеры в Баку, кажется, тогда не было).

Со своими идеями иеромонах Арсений в мае-июне 1923 г. обратился к лидерам обновленцев, но им, поглощенным тогда межфракционной борьбой, оказалось не до него. «Но мы, — сетовал он, — имели дело не с церковными полити-

ками, хотя бы и еретиками, а лишь с самыми жалкими и ординарными церковными политиканами, запутавшимися в своих партийных спорах. Запишешься в партию — все можно. Не запишешься — ничего. И нам, конечно, досталось именно это “ничего”. Мне еще, впрочем, пришлось выслушать по своему адресу и угрозы, но уж слишком я был им одиозен, прежде всего, как монах, да и рекомендация Петра с Юницким верно тоже помогла, а тут еще в нашей программе, так аффраппировавшей (неприятно поразившей. — *святи, А. М.*) Красницкого, пункт о выборности духовенства⁴⁷, а в проекте нашем говорится о викариате, значит и о викарии. Словом, много было чего для того, чтобы сказать нам это “ничего”.

Однако, после такого отворота от Красницкого и других «жалких и ординарных церковных политиканов», пассионарный бакинский иеромонах каким-то образом получил «право и возможность <...> обратиться, минуя все инстанции, непосредственно к Главе Правительства» (очевидно, имелся в виду не большой председатель Совнаркома В. И. Ленин, а его заместитель Л. Б. Каменев). Как ему это удалось, он объяснил Патриарху Тихону устно, о чем вскользь упомянул в своей докладной записке (можно предположить, что со Львом Розенфельдом он был знаком еще с молодости: близкие по возрасту, оба они какое время жили в Тифлисе и у обоих отцы были инженеры-железнодорожники). 16 июня 1923 г., еще до освобождения Патриарха, иеромонах Арсений обратился к Каменеву (Розенфельду) «с особым представлением». Возможно, среди тысяч единиц хранения архивного фонда СНК РСФСР соответствующий документ сохранился (впрочем, он мог быть отправлен аппаратом СНК и в другую инстанцию, например в Наркомюст). В случае его выявления было бы интересно сравнить изложение мыслей иеромонаха Арсения об устройстве церковных дел в Закавказье двум столь разным адресатам: Всероссийскому Патриарху и одному из «столпов» РКП(б) того времени.

В докладной записке Патриарху иеромонах Арсений привел несколько фраз из своего письма Каменеву: «Изложив <...> историческую и психологическую стороны дела, я позволил себе указать, что “игнорирование столь справедливых и столь лояльных по своему существу тенденций Бакинского Церковного Управления могло бы и в преломлении местном вызвать совершенно неправильное представление об истинных намерениях и планах Высших Московских Властей, ибо всецело было бы отнесено на счет принадлежности Протоиерея Юницкого, Епископа Петра и прочих наших антагонистов к церковной партии, именуемой “Живая Церковь”, и тем способствовало бы созданию вредных и нелепых иллюзий о якобы какой-то фаворитальности названной церковной партии, фактически осуществляющей уже на местах функции церковно-правового института какой-то “советской церкви”, что, конечно, в корне противоречило бы правильному пониманию важного и благодетельного».

⁴⁷ «Живая Церковь», лидером которой был В. Д. Красницкий, выступала против выборности духовенства.

тельного декрета об отделении Церкви от Государства и в конечном итоге неминуемо привело бы общественное мнение к совершенно, конечно, ложному представлению о столь непопулярной в народе “Живой Церкви” как не только покровительствуемой, но даже прямо господствующей[”]».

В каком-то виде иеромонах Арсений изложил Каменеву и свой проект о новом викариатстве в Баку, постаравшись при этом развеять у заместителя Ленина впечатление, что действует в личных интересах: «Я с большой неохотой согласился бы на выставление этой моей кандидатуры, полагая, что викариат, о котором идет речь в нашем ходатайстве, принципиально мыслим лишь при наличии викария, но, как явствует из официально изданного Положения о викариатах, “уездные и викариальные управления могут открываться и действовать и при отсутствии викария”. А посему, ввиду вышеуказанного, выставление своей кандидатуры считаю для себя совершенно неприемлемым»⁴⁸. Иеромонах Арсений процитировал здесь принятое обновленческим лжесобором 8 мая 1923 г. «Положение о Викариальных Церковных Управлениях», т. е. подтвердил свое признание раскольнических актов. При этом он предпочел не заметить соседнего пункта того же положения, где было прописано, что членами уездных управлений не могут быть лица, «не принадлежащие ни к одной из обновленческих групп, представленных в ВЦС»⁴⁹, т. е. к «Живой Церкви» Красницкого, «Союзу Общин Древле-Апостольской Церкви» Введенского или «Союзу Церковного Возрождения» Грановского. Получил ли бакинский иеромонах какой-то ответ из правительственных кругов, он Патриарху Тихону в своей докладной записке не сообщал (скорее всего, не получил).

Как бы то ни было, спустя 11 дней после написания Соколовским письма Каменеву произошло событие, кардинально изменившее церковную ситуацию в России, — освобождение Патриарха. Приспосабливаться к обновленческим порядкам иеромонаху Арсению больше не было нужды. «Теперь... — писал он Предстоятелю Православной Российской Церкви, — мы можем уже говорить не о викариате, а об епископстве отдельном и самостоятельном на прежних основаниях. <...> Первосвятительской мудрости Вашего Святейшества, без сомнения, лучше нашего видно, каков нам подобает Архиерей, но, если бы позволительно было бы и нам высказать свое скромное мнение, то, как делегат Бакинской Епархии, обязуюсь доложить, что многим из нас было бы любо возвращение прежнего Епископа Преосвященного Павла, стяжавшего себе в некоторых кругах симпатию и популярность, если, конечно, он ничем не скомпрометировал себя перед Вашим Святейшеством и перед Православной Церковью (sic! — *свящ. А. М.*)». Ходатайство иеромонаха Арсения за епископа

⁴⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 14–15.

⁴⁹ Деяния II-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви: Бюллетени. М., 1923. С. 19.

Павла в свете содержащихся в докладной записке негативных характеристик преосвященного выглядело несколько неожиданно. С другой стороны, ввиду уже отмеченной незаурядной способности бакинского иеромонаха приравниваться к быстро меняющимся условиям, можно этому и не удивляться.

«Повергая все вышеизложенное на милостивое благовоззрение Вашего Святейшества, — заканчивал свою пространную докладную от 28 июля 1923 г. иеромонах Арсений, — умоляю Ваше Святейшество судить не столько слабые дела, сколько добрые намерения наши»⁵⁰. По части «милостивого благовоззрения» Святейшего Патриарха на его «слабые дела» автор докладной записки не ошибся (об этом говорит его последующее быстрое иерархическое повышение). Через три дня, 31 июля, им было подано Патриарху Тихону еще пять рапортов, значительно более кратких и конкретных. Прежде всего он просил указаний «о дозволенности и возможности церковного общения с Епископом Димитрием и клириками возглавляемой им новообразованной русской епархии в Тифлисе»⁵¹. Затем, «предвидя <...> возможность раскола в местной группе “Живой Церкви”», спрашивал, «в каком порядке и при соблюдении каких внутренних и внешних условий надлежит допускать воцерковление названных лиц и дозволено ли воссоединенных клириков оставлять в прежних приходах или надлежит озаботиться их перемещением в новую обстановку»⁵². «Допуская возможность заезда в пределы Экзархата православных (по виду) архиереев», иеромонах Арсений интересовался, «каких реальных оказательств в этом смысле (мандатов, грамот и т. п.)» от них можно было требовать. Также он сообщал, что «православные церкви Бакинской епархии испытывают острую нужду в Св. Мире» и просил о выдаче ему такового⁵³. Каких-либо резолюций на рапортах бакинского иеромонаха нет. Можно предположить, что ответы он получил устно (причем необязательно от самого Патриарха).

Наибольший интерес представляет рапорт иеромонаха Арсения № 3, затрагивавший два важных вопроса: о предполагаемом введении нового календарного стиля и о взаимоотношениях с Грузинской Церковью. Он писал: «Ввиду получивших столь широкое распространение по местам слухов о том, что Вашему Святейшеству благоугодно разрешить с 1-го октября с. г. переход церковного обихода на новый стиль, обязуюсь всепочтительнейше доложить, что неперемное и неукоснительное выполнение такого распоряжения в пределах Кавказского Экзархата могло бы, как кажется, вызвать, по крайней мере первое время, некоторые затруднения бытового характера и, во всяком случае, не обещает

⁵⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 15 об.

⁵¹ Там же. Л. 16.

⁵² Там же. Л. 19.

⁵³ Там же. Л. 17, 18.

столь же безболезненного проведения в жизнь, как это ожидается, по-видимому, в полосе средней России»⁵⁴. Переход Православной Российской Церкви на новый стиль был одним из условий освобождения Патриарха Тихона⁵⁵. Обновленцы на своем лжесоборе постановили осуществить таковой переход с 12 июня 1923 г.⁵⁶ Святитель Тихон допускал такую уступку требованиям гражданской власти, но «безболезненного проведения в жизнь» в средней полосе России этого смущающего верующих нововведения тоже не вышло.

Иеромонах Арсений разъяснял особую неуместность нового стиля для русского православного Закавказья: «Вкрапленные в самую гущу двух Католикосатов — Грузинского и Армянского, живущих церковной жизнью по старым нормам, связанные единством юрисдикции с столь косными в церковно-бытовом отношении приходами греческими и айсорскими, скомпрометированные в местном преломлении отсветом русского церковного обновленчества в центре, — русские православные приходы нашего края, дабы не потерять под собою почвы, необходимо должны быть крайне осторожны и мелочно скрупулезны в декларативных выявлениях своего церковного уклада, иначе им легко может грозить полная и по условиям времени и места весьма обидная и невыгодная для нас, русских, изоляция. А посему обязуюсь всепочтительнейше испросить первосвятительских указаний Вашего Святейшества, не представляется ли возможным в пределах Экзархата временно предоставить постепенно, где это окажется возможным, осуществление означенной меры усмотрению местных церковных властей, обязав последние соблюдать величайшую осторожность, а в целях вящего уяснения принципиальной стороны вопроса разрешить войти в хотя бы не строго официальные и пусть сперва даже только вербальные, но все же несколько официозные переговоры с Католикосом Грузии, безукоризненная позиция которого по отношению к русскому церковному обновленчеству и его представителям как будто дает некоторый повод хотя бы несколько отойти от трафаретной трактовки Грузинского церковного вопроса. Полагал бы, что подобный знак высокого внимания Вашего Святейшества вполне отвечал бы реальным заданиям русской церковной политики на Кавказе и был бы наилучшим образом встречен в правящих кругах Католикосата, будучи исчерпывающим по существу в масштабе данного вопроса, мог бы быть чреватым самыми счастливыми возможностями для обеих сосуществующих на Кавказе Православных Церквей. Осмеливаюсь доложить, что согласие Восточных Патриархов на новый стиль отнюдь не аннулирует целесообразности сношения с Католикосом»⁵⁷.

⁵⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 20.

⁵⁵ См.: Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подг. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997. С. 282–283.

⁵⁶ См.: Деяния II-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви. С. 12.

⁵⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 20–20 об.

Можно заметить, что никакого «согласия Восточных Патриархов на новый стиль» в действительности тогда не было. Настойчивым сторонником перехода был лишь один из них, причем самый одиозный — патриарх Константинопольский Мелетий (Метаксакис), который и провел это постановление на так называемом «Всеправославном конгрессе» (из девяти человек), демонстративно проигнорированном патриархами Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским⁵⁸. Но в контексте рассматриваемой темы важнее другое: иеромонах Арсений очень надеялся, что совместное обсуждение календарного вопроса с руководством Грузинского Католикосата окажется «чреватым самыми счастливыми возможностями для обеих сосуществующих на Кавказе Православных Церквей». Для него, как видно, примирение с Грузинской Церковью было одной из важнейших задач. Коль скоро этого примирения не удалось достичь посредством учреждения русской закавказской епархии, находящейся в совместном ведении Москвы и Тифлиса, надо попытаться использовать для дела церковного единства, казалось бы, разделяющий Церковь вопрос о новом стиле.

О восстановлении общения с Грузинским Католикосатом, как уже было отмечено в начале статьи, радел и епископ Павел (Вильковский). 29 июля 1923 г. он составил своей проект действий в этом направлении, который отправил Патриарху Тихону. Представляется оправданным этот документ, как и письмо, к которому он был приложен, привести полностью:

«Копия № 1

О примирении между Грузинской Автокефальной Церковью и управлением русскими приходами в пределах Закавказья, состоящими в ведении Всероссийского патриарха.

По существу, нет и не может быть никаких возражений и препятствий к признанию нами автокефалии Грузин[ской] Церкви.

Единственное препятствие — формально канонического свойства и заключается в том, что в свое время не было получено согласие и благословение на автокефалию от Церкви Российской, в состав которой больше ста лет тому назад была включена Церковь Грузинская.

Как и почему это случилось, кто был прав, кто виноват в этом деле, надо прекратить разговоры и споры, а позаботиться о том, чтобы скорее исправить печальные последствия этого события.

Надо, чтобы это согласие и благословение на автокефалию было получено каким-нибудь способом хотя бы теперь, после чего общими усилиями представителей грузинской и русской духовной власти должны быть выработаны и осуществлены новые формы взаимоотношений и мало по малу восстановлен церковный мир и общение между верующими той и другой национальности.

⁵⁸ См.: Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 37. С. 262–263.

Говоря ближе и определеннее, необходимо, чтобы последовало заявление со стороны Его Святейшества католикоса на имя патриарха Всероссийского о необходимости согласия и благословения Русской Церкви на автокефалию Церкви Грузинской.

С другой стороны, необходимо, чтобы Церковью Русской признана была для русских приходов в Грузии обязательность высшего подчинения Его Святейшеству католикосу (как главе православной патриаршей области, естественно намечаемой пределами союза закавказских республик⁵⁹).

При этом для ближайшего духовного окормления русской паствы в этих пределах необходимо иметь не менее двух или трех русских епископов, избираемых для себя русскими приходами наиболее значительных городов и утверждаемых католикосом.

Отношение католикоса к патриарху Всероссийскому по типу отношений к нему митрополита Украинской автокефальной Церкви.

С подлинным верно.

Епископ Павел.

1923 г. 16/29 июля»⁶⁰.

По словам епископа Павла из приведенного выше письма Патриарху Тихону, означенные пункты он уже показывал католикосу Амвросию, и тот выразил готовность вести переговоры с уполномоченным Всероссийского Патриарха, «но отнюдь не со ставленниками Антонина». (Это при том, что епископа Димитрия, который мог трактоваться как «ставленник Антонина», тот же самый католикос полугодом ранее благополучно принял.) Можно заметить, что проект епископа Павла по своему смыслу кардинально не отличался от проекта иеромонаха Арсения (который, как видно, напрасно обвинял своего правящего архиерея в нежелании иметь в Закавказье других русских православных епископов). Особенностью проекта управляющего Кавказским экзархатом был его весьма оригинальный последний пункт. Дело в том, что никакого «митрополита Украинской автокефальной Церкви» тогда не существовало (если не считать самосвята Василия Липковского, но епископ Павел явно не его имел в виду). Согласно Положению о временном высшем управлении Православной Церкви на Украине, принятому Собором Украинской Церкви

⁵⁹ Федеративный Союз Социалистических Советских Республик Закавказья (ФСССРЗ) был учрежден в марте 1922 г. В декабре того же года был преобразован в Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР), которая совместно с РСФСР, УССР и БССР вошла в Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Конституцией СССР 1936 г. ЗСФСР была упразднена и составлявшие ее республики (Азербайджан, Армения, Грузия) вошли в состав СССР непосредственно.

⁶⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 5–5 об. Рукопись. Заверенная копия. Автограф епископа Павла (Вильковского).

9 июля 1918 г. и утвержденному Всероссийским Поместным Собором определением от 20 сентября 1918 г., Патриарху принадлежало право *утверждать и благословлять* митрополита Киевского⁶¹. Очевидно, грузинскую сторону применительно к себе такое положение категорически бы не устроило.

В августе 1922 г. в Киеве было проведено совещание православных епископов, клириков и мирян в количестве 84 человек, на котором было выражено пожелание «о том, чтобы преосвященными епископами было объявлено, что Украинская Церковь отныне стала на путь автокефалии, то есть полной самостоятельности в делах внутреннего управления». Но епископы на это ответили, что «разрешение вопроса об автокефалии принадлежит компетенции Всеукраинского Церковного Собора»⁶². Вообще, смысл того автокефалистского начинания был в стремлении оградить Украинскую Православную Церковь от посягательств московских обновленцев, а не в каком-то сепаратизме по отношению к патриаршей Православной Российской Церкви. Грузинский автокефализм имел совсем другую природу, и параллели с украинской ситуацией были не вполне уместны.

6 августа епископ Павел написал с Команского подворья г. Сухума еще одно письмо Патриарху Тихону, в котором вкратце повторил содержание письма от 29 июля и вновь попросил: «...если возможно, благословить меня вести переговоры с католикомосом грузинским о примирении, в чем настает большая нужда для нас, русских, живущих на Кавказе»⁶³. Посланные из Сухума письма епископа Павла до Патриарха Тихона дошли (о чем свидетельствует их нахождение в соответствующем архивном фонде), но как быстро — неизвестно (входящего номера с датой на них нет). Рапорты иеромонаха Арсения, писавшего из Москвы и встречавшегося с Патриархом лично, были приняты во внимание быстрее. Решение по закавказскому вопросу оказалось не в пользу епископа Павла. Судя по канцелярской помете, произошло это не позднее 13 августа 1923 г. Текст документа, скрепленного собственноручными подписями Патриарха и трех его ближайших помощников, таков:

«Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон и временное при нем высшее церковное управление слушали дело о положении дел церковных в Закавказье,

определили:

Преосвященного Павла, епископа Бакинского и Елисаветпольского, переместить на епископскую кафедру Вологодскую;

⁶¹ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. (Репр. воспр. изд.: М., 1918.) Вып. 4. С. 17.

⁶² *Феодосий (Процюк), митр.* Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004. С. 234.

⁶³ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 6 об.

Преосвященного Димитрия, епископа Ставропольского, назначить епископом Бакинским с поручением ему ведения всех русских православных церквей Закавказья;

Настоятеля Бакинского собора иеромонаха Арсения возвести в сан архимандрита.

Патриарх Тихон

Серафим, Архиепископ Тверской

Тихон, Архиепископ Уральский

Иларион, епископ Верейский, управляющий Московской епархией⁶⁴.

Вслед за этим был составлен указ:

Сухум, Преосв[ященному] Павлу Бакинскому.

Мною назначены Вологодским епарх[иальным] епископом. Немедленно выезжайте. Телеграфируйте о выезде.

Патриарх Тихон

Архиепископ Серафим

Архиепископ Ур[альский] Тихон»⁶⁵.

Другому же фигуранту дела была на руки выдана бумага (приводится по копии в заверении ее получателя):

«Члену Бакинского Церковного Управления, Настоятелю Собора города Баку Архимандриту Арсению.

Церковное Управление при Святейшем Патриархе, удостоверяя сим, что возложенное на Вас Бакинским Церковным Управлением поручение по сношению со Святейшим Патриархом Вами выполнено, предлагает Вам, о. Арсению, б. иеромонаху, возведенному ныне с благословения Его Святейшества в сан архимандрита, возвратиться к месту своей службы в город Баку для руководства работой названного Управления, впредь до приезда в Закавказье (командируемого туда Его Святейшеством Преосвященного Димитрия, Епископа Ставропольского и Кавказского) правящего епископа.

Член Высшего Церковного Управления при Святейшем Патриархе
Архиепископ Иларион»⁶⁶.

Епископ Димитрий (Добросердов), каким-то образом объяснившийся с Патриархом Тихоном по поводу своих контактов с обновленцами, принять порученное ему в августе 1923 г. «ведение всех русских православных церквей Закавказья» не смог и уже 26 сентября того же года был назначен епископом Козловским, временно управляющим Тамбовской епархией, где немало потрудился в деле борьбы с обновленческим расколом⁶⁷. Архимандрит Арсений (Со-

⁶⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 199. Л. 24. Подлинник. Рукопись.

⁶⁵ Там же. Л. 25.

⁶⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 12.

⁶⁷ См.: *Дамаскин (Орловский), игум.* Димитрий (Добросердов), сщмч. // Православная энцикло-

коловский) вернулся в Баку и застал там, по словам его очередной докладной записки на имя Патриарха Тихона, «грустную картину полной церковной разрухи». Ряд приходов, в том числе губернского города Елизаветполя, отпали от Патриарха (это в то время, когда в других епархиях обновленческие клирики и прихожане массово возвращались в Патриаршую Церковь). По поводу же епископа Павла архимандрит Арсений сообщал: «Самого Епископа, конечно, нет, где он, доподлинно неизвестно, ходят слухи о его якобы аресте, но вполне достоверно то, что о возвращении его в Баку не может быть и речи и что местная гражданская власть в этом отношении уже сказала свое последнее и решающее слово»⁶⁸.

Информация о перемещениях преосвященного Павла (Вильковского) содержится в его показаниях 1933 г. В Вологду он не поехал. «В начале 1923 г. из Баку выехал в Тифлис, Батум, а затем в Сухум, где жил до половины 1924 года, когда был арестован и препровожден обратно в Тифлис. В Тифлисе скоро получил освобождение с предложением оставить Закавказье, выехал в г. Туапсе, где жил на покое, поддерживая связи с Ново-Афонским монастырем, куда выезжал для совершения службы рукоположения в монахи. В Туапсе опять был арестован, отправлен в Новороссийск, где, просидев около 3 месяцев, освобожден и выехал в Саровскую пустынь»⁶⁹.

В итоге реализовывать предложенный епископом Павлом план примирения с Грузинским Католикосатом оказалось некому. Более того, сам католикос-патриарх Амвросий (Хелая), явно не поладивший с установившейся в Грузии советской властью, в 1923 г. был фактически взят под домашний арест и отстранен от церковной власти, которую взяла в свои руки группа местных «прогрессивных» деятелей во главе с епископом Христофором (Цицкишвили)⁷⁰. При новом руководстве началось сближение католикосата с обновленцами, которое закончилось взаимопризнанием в 1927 г.⁷¹ Равным образом и план иеромонаха Арсения примирить Российскую и Грузинскую Церкви посредством учреждения русской закавказской епархии в совместном ведении никакого развития не получил.

В отношении же Бакинской епархии примечательное описание настроений ведущих местных обновленцев в апреле 1924 г. привел в письме Патриарху Ти-

педия. М., 2007. Т. 15. С. 42–43.

⁶⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 10.

⁶⁹ Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-48721. Т. 1. Л. 75.

⁷⁰ См.: *Вардосанидзе С., Т.-М. Н.* Грузинская Православная Церковь в 1921–1941 гг. // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 221.

⁷¹ Подробнее см.: *Мазырин А., свящ.* К вопросу об обновленческом факторе во взаимоотношениях Русской и Грузинской Церквей в 1920–1940-е гг. // Вестник Ставропольской духовной семинарии. 2017. № 1 (4). С. 43–67.

хону командированный тогда в Баку епископ Ставропольский и Кавказский Иннокентий (Летяев), который в 1922–1923 гг. сам не удержался от отпадения в раскол, но потом принес покаяние. «В скором времени после приезда, — писал епископ Иннокентий Патриарху 20 апреля 1924 г., — я был у прот[оиерея] Юницкого, считающего себя “царем” и “богом” Бакинской епархии. Цель[ю] моего визита к Юницкому было увещание последнего о присоединении к Вашему Святейшеству для блага и мира церковного. Юницкий жаждет этого общения, но с осторожностью держится выжидательной позиции, определенно он мне ничего не сказал, а посоветовал обратиться к обновленческому епископу Петру Данилову, бывш[ему] Саратовскому священнику, окончивш[ему] Казанскую Академию и Саратовский университет. Он вдовец, имеет двух детей. В тот же вечер я был у еп[ископа] Петра Данилова, но от него получил отрицательный ответ, хотя не окончательный. <...> Насколько я мог уловить из его слов мысль о том, что главной причиной неподчинения Вашему Святейшеству является боязнь репрессий. Человек он семейный, имеет двух дочерей школьного возраста, четыре месяца сидел в Саратове в 1918 г. в качестве заложника и, боясь повторения арестов, держится обновленческой ориентации»⁷².

Далее епископ Иннокентий приводил данные о приходах Бакинской епархии. В каноническом общении с Патриархом Тихоном из них оставалось всего 10, а обновленческих насчитывалось до 30, преимущественно в уездах. Можно сравнить это с тем, что писал Патриарху Тихону епископ Павел в июле 1923 г. («на Кавказе “живая церковь” имеет трех архиереев с 3 приходами в Баку и 2-мя в Тифлисе») и сделать вывод, что Бакинская епархия в 1922–1923 гг. явила довольно уникальную для Православной Российской Церкви картину: в период пребывания под стражей Патриарха Тихона дела у обновленцев в ней обстояли заметно хуже, чем после его освобождения. При этом бакинское обновленчество было явлением чисто конъюнктурным, возникшим не на идейной, а на личной почве. Таким же поначалу было и обновленчество тифлисское, но со своими особенностями, определяемыми его взаимодействием с Грузинским Католикосатом.

Источники

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
2. Архив Управления ФСБ РФ по Краснодарскому краю. Д. П-48721. В 4 т. Т. 1.
3. Архивы Кремля. Политбюро и Церковь: 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подг. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Новосибирск; М., 1997–1998.

⁷² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 208. Л. 14–14 об.

4. Голубцов Г., прот. Поездка на Всероссийский Церковный Собор: Дневник (29 января — 18 апреля 1918 г.) / подг. текста и публ. М. И. Одинцова // Российская Церковь в годы революции (1917–1918): сборник. М., 1995. С. 121–269.
5. Деяния II-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви: Бюллетени. М., 1923.
6. Егоров В., свящ. К истории провозглашения грузинами автокефалии своей церкви в 1917 году. М., 1917.
7. Письма священномучеников — архиереев Русской Православной Церкви к святителю Тихону, Патриарху Московскому и всея России / публ. прот. В. Воробьева // Богословский сборник: К 75-летию со дня кончины святого Патриарха Тихона. Вып. 6. М., 2000. С. 5–17.
8. Положение о созыве поместного собора православной российской церкви 1923 года // Живая Церковь. 1923. 1 февр. № 11 (1). С. 2–4.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 831. Оп. 1. Д. 199, 208.
10. Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Вып. 1–4. М., 1994. (Репр. воспр. изд.: М., 1918).

Литература

1. Вардосанидзе С., Т.-М. Н. Грузинская Православная Церковь в 1921–1941 гг. // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13. С. 220–222.
2. Дамаскин (Орловский), игум. Димитрий (Добросердов), сщмч. // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 42–43.
3. Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 37. С. 256–275.
4. Протоиерей Александр Иванович Юницкий (1855–1940) // Официальный сайт Бакинской и Азербайджанской епархии. URL: https://pravoslavie.az/history/history_faces/?id=13607 (дата обращения: 11.10.2023).
5. История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / гл. ред. Ф. А. Гайда. М., 2019.
6. Кияшко Н. В. Политика советского государства и обновленческий раскол на Кубани (1922–1923 гг.) // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. Вып. 108. С. 88–104. DOI: 10.15382/sturII2022108.88-104
7. Кияшко Н. В., Шишкин Е., свящ.; Пантюхин А., свящ.; Зимина Н. Н. Ставропольская епархия в 1920–1943 гг. // Ставропольская епархия: 180 лет. Ставрополь, 2023. С. 105–117.
8. Лавринов В., прот. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.
9. Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996.
10. Мазырин А., свящ. К вопросу об обновленческом факторе во взаимоотношениях Русской и Грузинской Церквей в 1920–1940-е гг. // Вестник Ставропольской духовной семинарии. 2017. № 1 (4). С. 43–67.

11. Мельникова И. Е. К истории взаимоотношений Католикоса-Патриарха всея Грузии Каллистрата (Цинцадзе) с Председателем Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карповым в 1944–1947 гг. // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 3 (70). С. 69–76.
12. Мельникова И. Е. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 60–68.
13. Мельникова И. Е. Попытка восстановления евхаристического общения между Русской (Российской) и Грузинской Православными Церквями при Католикосе-Патриархе всея Грузии Амвросии (Хелая) // XXXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2021. С. 93–96.
14. Сафонов Д., свящ. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. М., 2013.
15. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор Деяний. Третья сессия / сост. А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева, Г. Шульц. М., 2000.
16. Феодосий (Процюк), митр. Обособленческие движения в Православной Церкви на Украине (1917–1943). М., 2004.
17. Щелкачев А., свящ.; Мельникова И. Е. Восстановление автокефального статуса Грузинской Православной Церкви в XX в. // XXX Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2020. С. 51–57.
18. არაბიძე ი. «განახლების მოძრაობა» და საქართველოს ეკლესიის ავტოკეფალია // კლიო (საისტორიო აღმანახი) / საქართველოს მეცნიერებათა აკადემია; ივ. ჯავახიშვილის სახელობის ისტორიისა და ეთნოლოგიის ინსტიტუტი. თბილისი, 2005. № 28. გვ. 132–148. [Арабидзе И. «Обновленческое движение» и автокефалия Грузинской церкви // Клио (исторический альманах) / Академия наук Грузии. Институт истории и этнологии им. И. Джавахишвили. Тбилиси, 2005. № 28. С. 132–148.]

Priest Alexander V. Mazyrin

ON THE HISTORY OF THE RENOVATIONIST SCHISM IN TRANSCAUCASIA AND UNSUCCESSFUL PROJECTS OF RECONCILIATION BETWEEN THE RUSSIAN AND GEORGIAN ORTHODOX CHURCHES (1922–1923)

Abstract. The article is devoted to the initial history of the Renovationist schism in the Soviet Transcaucasia, mainly in the Baku diocese. The main sources of information became letters written in July 1923 to the Holy Patriarch Tikhon by the last governor of the Caucasian Exarchate, Bishop Pavel (Vilkovsky) of Baku and the active Hieromonk Arseny (Sokolovsky) of Baku. Transcaucasian Renovationism had its own specifics. The main factor in the split was the personal dislike of the ruling bishop on the part of the most influential Baku archpriest Alexander Yunitsky, who, however, even with the support of the Soviet government, could not achieve decisive suc-

cess in the diocese during Patriarch Tikhon's imprisonment. On the contrary, after the release of the Patriarch, the situation of the Renovationists in Soviet Azerbaijan improved, which was uncharacteristic for the church situation in the USSR as a whole. The emergence of the Renovatoinist schism also had an impact on the difficult relations between the Russian and Georgian Churches. The Georgian Catholicosate was ready to accept into its jurisdiction the non-Georgian Orthodox parishes of Georgia, Armenia, Adjara and Abkhazia, partially headed in early 1923 by the former vicar of Patriarch Tikhon, Bishop Dimitry (Dobroserdov), although he received his appointment to Tiflis from the Renovatoinist «Supreme Church Administration», to which he was then formally subordinate. There were plans, at least for Hieromonk Arseny, to extend the Georgian-Renovatoinist «partnership» to the entire Soviet Transcaucasia. Having failed to meet the understanding of the Moscow Renovatoinist leaders in May–June 1923, Hieromonk Arseny, after the liberation of St. Tikhon, adapted his idea of double subordination to the Russian Transcaucasian diocese to the new situation and proposed it to the Patriarch. Bishop Pavel of Baku also presented his project of reconciliation of the Russian and Georgian Churches to St. Tikhon in July 1923. It was based on an unfortunate analogy between Georgian and Ukrainian autocephaly. All these plans remained unfulfilled, both because of their initial defectiveness and because of the rapid change in church and political circumstances.

Keywords: *The Russian Orthodox Church, Patriarch Tikhon, the Renovatoinist schism, the «Living Church», Archbishop Pavel (Vilkovsky), Bishop Arseny (Sokolovsky), Archpriest Alexander Yunitsky*

For citation: Mazyrin A. V. K istorii obnovlencheskogo raskola v Zakavkaz'e i neudachnykh proektov primireniia Russkoi i Gruzinskoi Pravoslavnykh Tserkvei (1922–1923 gg.) [On the History of the Renovatoinist Schism in Transcaucasia and Unsuccessful Projects of Reconciliation between the Russian and Georgian Orthodox Churches (1922–1923)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2024, no. 46, pp. 121–157. DOI: <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2024-46-121-157>

About the author: Mazyrin Aleksandr Vladimirovich, Priest — Dr. hab. (Church History; Theology), PhD (History), Professor, Chief Scientific Officer of the St. Tikhon's Orthodox University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745> (Russian Federation, Moscow). *E-mail:* am@pstbi.ru

Submitted on 12 January, 2024

Accepted on 26 February, 2024

References

1. Arabidze I. «*Ganakhlebis modzraoba*» da sakartvelos ek'lesiis avt'ok'epalia [«The Renovatoinist movement» and the Autocephaly of the Georgian Church]. *K'lio (saist'orio almanakhi) — Klio (Historical almanac)*. Tbilisi, 2005, no. 28, pp. 132–148.
2. Damaskin (Orlovsky), igum. Dimitrii (Dobroserdov), sshchmch. [Dimitry (Dobroserdov), the Priest-martyr]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2007, vol. 15, pp. 42–43.

3. *Deianiia II-go Vserossiiskogo Pomestnogo Sobora Pravoslavnoi Tserkvi: Biulleteni* [Acts of the II-nd All-Russian Local Council of the Orthodox Church: Bulletins]. Moscow, 1923.
4. Egorov V. *K istorii provozglasheniia gruzinami avtokefalii svoei tserkvi v 1917 godu* [On the History of Proclaiming Autocephaly by the Georgians for Their Church in 1917]. Moscow, 1917.
5. Ermilov P. *Konstantinopol'skaia Pravoslavnaia 'Tserkov' 1908–1948 gg.* [The Orthodox Church of Constantinople. 1908–1948]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow, 2015, vol. 37, pp. 256–275.
6. Gaida F. A. (ed.). *Istoriia ierarkhii Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: Kommentirovannye spiski ierarkhov po episkopskim kafedram s 862 g.* [History of the Hierarchy of the Russian Orthodox Church: Commented Lists of Hierarchs by Episcopal Dioceses since 862]. Moscow, 2019.
7. Golubtsov G. *Poezdka na Vserossiiskii Tserkovnyi Sobor: Dnevnik (29 ianvaria — 18 apreliia 1918 g.)* [Trip to the All-Russian Church Council: Diary (29 January — 18 April, 1918)]. *Rossiiskaia Tserkov' v gody revoliutsii (1917–1918): sbornik* [The Russian Church during the Revolution (1917–1918): Collection]. Moscow, 1995, pp. 121–269.
8. Gubonin M. E. (ed.). *Akty Sviateishogo Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseia Rossii, pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti, 1917–1943* [Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, Later Documents and Correspondence on the Canonical Succession of the Supreme Church Authority, 1917–1943]. Moscow, 1994.
9. Kiyashko N. *Politika sovetskogo gosudarstva i obnovencheskii raskol na Kubani (1922–1923 gg.)* [The Policy of the Soviet State and the Renovationist Schism in Kuban' Region (1922–1923)]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi — St. Tikhon's University Review. Ser. II: History. History of the Russian Orthodox Church*, 2022, vol. 108, pp. 88–104. DOI: 10.15382/sturII2022108.88-104
10. Kiyashko N., Shishkin E., Pantyukhin A., Zimina N. *Stavropol'skaia eparkhiia v 1920–1943 gg.* [Stavropol Diocese in 1920–1943]. *Stavropol'skaia eparkhiia: 180 let* [Stavropol Diocese: 180 Years]. Stavropol, 2023, pp. 105–117.
11. Kravetsky A., Pletneva A., Shults A. (eds.). *Sviashchennyi Sobor Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi 1917–1918 gg. Obzor Deianii. Tret'ia sessiia* [The Holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918. Review of the Acts. Session Three]. Moscow, 2000.
12. Lavrinov V. *Obnovencheskii raskol v portretakh ego deiatelei* [Renovationist Schism in the Portraits of Its Figures]. Moscow, 2016.
13. Levitin A., Shavrov V. *Ocherki po istorii russkoi tserkovnoi smuty* [Essays on the History of Russian Church Turmoil]. Moscow, 1996.
14. Mazyrin A. *K voprosu ob obnovencheskom faktore vo vzaimootnosheniakh Russkoi i Gruzinskoi Tserkvei v 1920–1940-e gg.* [On the Question of the Renovationist Factor in the Relations between the Russian and Georgian Churches in the 1920s–1940s]. *Vestnik Stavropol'skoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Stavropol Theological Seminary*, 2017, no. 1 (4), pp. 43–67.

15. Melnikova I. E. K istorii vosstanovleniia evkharisticheskogo obshcheniia Russkoi i Gruzinskoi Tserkvei v pervoi polovine XX v. [On the History of the Restoration of the Eucharistic Communion of the Russian and Georgian Churches in the 1st Half of the 20th Century]. *XXI Ezhegodnaia Bogoslovskaiia konferentsiia PSTGU* [21st Annual Theological Conference of the Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities]. Moscow, 2011, vol. 2, pp. 60–68.
16. Melnikova I. E. K istorii vzaimootnoshenii Katolikosa-Patriarkha vseia Gruzii Kallistrata (Tsintsadze) s Predsedatelem Soveta po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi G. G. Karpovym v 1944–1947 gg. [Toward the History of Relations of Catholicos-Patriarch of All Georgia Callistrat (Tsintsadze) with Chairman of the Russian Orthodox Church Affairs Council G. G. Karpov in 1944–1947]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriiia II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi — St. Tikhon's University Review. Ser. II: History. History of the Russian Orthodox Church*, 2016, vol. 3 (70), pp. 69–76.
17. Melnikova I. E. Popytka vosstanovleniia evkharisticheskogo obshcheniia mezhdru Russkoi (Rossiiskoi) i Gruzinskoi Pravoslavnymi Tserkvami pri Katolikose-Patriarkhe vseia Gruzii Amvrosii (Khelaia) [An Attempt to Restore Eucharistic Communion between the Russian and Georgian Orthodox Churches under the Catholicos-Patriarch of All Georgia Ambrose (Khelaia)]. *XXXI Ezhegodnaia Bogoslovskaiia konferentsiia PSTGU* [31st Annual Theological Conference of the Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities]. Moscow, 2021, pp. 93–96.
18. Pis'ma sviashchennomuchenikov — arkhiereev Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi k sviatiteliu Tikhonu, Patriarkhu Moskovskomu i vseia Rossii [Letters of the Hieromartyrs — Hierarchs of the Russian Orthodox Church to St. Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia]. *Bogoslovskii sbornik: K 75-letiiu so dnia konchiny sviatogo Patriarkha Tikhona* [Theological Collection: On the 75th Anniversary of the Death of Holy Patriarch Tikhon]. Moscow, 2000, pp. 5–17.
19. Pokrovskii N. N., Petrov S. G. (eds.). *Arkhivy Kremliia. Politbiuro i Tserkov': 1922–1925 gg.: v 2 kn.* [Archives of the Kremlin. Politburo and the Church: 1922–1925. In 2 books]. Novosibirsk; Moscow, 1997–1998.
20. Polozhenie o sozyve pomestnogo sobora pravoslavnoi rossiiskoi tserkvi 1923 goda [Regulations on the Convocation of the Local Council of the Russian Orthodox Church in 1923]. *Zhivaia Tserkov' — The Living Church*, 1923, no. 11 (1), pp. 2–4.
21. Protoierei Aleksandr Ivanovich Iunitskii (1855–1940) [Archpriest Alexander Ivanovich Yunitsky (1855–1940)]. Available at: https://pravoslavie.az/history/history_faces/?id=13607 (accessed: 11.10.2023).